

В ПОСЛЕДНЕЕ время не редко можно услышать, что все умеют писать, по крайней мере грамотно. Но от умения писать до умения поэтически мыслить — расстояние огромное.

Может быть, покажется странным то, что я скажу, но мыслящих поэтов — в полном смысле этого слова — не так уж и много. В иных стихотворных произведениях проявляется то, что Николай Асеев в свое время называл «снижить песню в ремесленный навык».

Дилогия Егора Исаева «Суд памяти» и «Даль памяти» — это поэзия именно поэтического мышления, глубочайшего общения именно тех самых сложнейших вопросов, которые, уходя корнями в прошлое, упираются своей кроной в будущее. Как говорит сам поэт: «И даль сомкнется с далью».

Книга Е. Исаева «Жизнь прожить...» как бы вобрала в себя, творчески претворила и продолжила опыт советского поэтического эпоса 50—60-х годов. Тогда возникли лучшие образцы социально-философского эпоса этих лет: «Середина века» В. Луговского и трилогия И. Сельвинского «Россия», «За далью — даль» А. Твардовского и «Строгая любовь» Я. Смелякова. А среди новых имен — книга поэм Вас. Федорова «Белая роща» и «Суд памяти» Е. Исаева.

Сейчас во всем объеме предстает перед нами творческий замысел автора книги «Жизнь прожить...». Не случайно в ней новая поэма «Даль памяти» поставлена впереди прежней, уже широко известной.

Хронологии творческого процесса автор предпочел хронологию исторического мышления. «Даль памяти» призвана объяснить исторические истоки победы советского народа над фашизмом. «Суд памяти» вскрывает природу фашизма, его истоки.

Лицом к лицу столкнулись две полярно противоположные идеологии, которые в плане психологическом представляют собой столкновение ответственности перед историей с безответственностью перед ней.

«Суд памяти» — поэма, вызвавшая огромный интерес у читателей и критики. Именно потому, что, отталкиваясь от реалий времени, поэт сумел подняться до осознания его сущностных процессов. Е. Исаев поставил перед собой задачу: понять истоки второй мировой войны, осмыслить, как формировалось сознание убийц человечества. И надо отдать должное поэту — он сумел понять психологические основы фашистской идеологии и возросшего на этой основе «нового порядка».

Но размах поэмы шире. Это не только поэма антифашистская, это поэма антивоенная вообще. Она показывает, насколько война чужда сущности и смыслу человеческого бытия.

И вот перед нами новая поэма Е. Исаева — «Даль памяти».

Не может не вызвать глубокого уважения то обстоятельство, что в течение многих лет поэт оставался верен своей теме, не поддавался легким соблазнам, не старался угодить

модным вкусам. Поэт как будто бы помнил слова Данте, которые были любимой поговоркой К. Маркса: «Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодил!»

Дилогия Е. Исаева, взятая как целое, — образец целеустремленной работы художника, не отклоняющегося в сторону от того, что он считает своей творческой сверхзадачей.

Название дилогии «Жизнь прожить...» идет от известного присловья и говорит о трудности, сложности, ответственности человеческого бытия. Она явилась ко времени: каждый должен осмыслить наше историческое бытие, свое место в нем.

«Даль памяти» — это поэма не о войне, а о мире. Она названа «Даль памяти» потому, что поэт ушел в глубь исторического времени для того, чтобы понять время, в котором он живет.

На соискание Ленинской премии

«И ДАЛЬ СОМКНЕТСЯ С ДАЛЬЮ»

О поэмах Егора Исаева

Это поэма о Родине — о первом дыхании, которое длится всю жизнь, об испытаниях, перенесенных народом во имя великой цели. О том, что Россия выстрадала революцию, как говорил В. И. Ленин. Не отсюда ли и образ кремль-слезы — стойкости, рожденной великими испытаниями? Речь идет не о боли выплаканной и тем облегченной, а о боли, ушедшей в глубь души, чтобы стать ее неодолимой внутренней опорой, о неразрывном родстве города и деревни, рабочего и крестьянина, как бы воедино спаянных несокрушимой силой.

«Даль памяти» — поэма о мере вещей, мере пространств, мере времен. В нашу эпоху как бы оправдалось предсказание Гоголя: «Вдруг стало видимо далеко во все концы света».

Если в поэме «Суд памяти» Е. Исаев старался проникнуть в корни страшнейшего явления современной эпохи — фашизма, то в «Дали памяти» он как бы создает некий противовес чудовищному явлению эпохи. Уходя в глубь истории России, поэт стремится обнаружить в коренных основах народного бытия подлинную нравственность, высоту жизнепонимания, которые как бы ожидали своего исторического воплощения в новой эпохе.

Оттуда, из этих коренных основ, проросло особое понимание труда как сущности и смысла жизни. Именно такое понимание труда формировало и весь нравственный кодекс советского человека. Все грани человеческого бытия как бы восходили к этому пониманию главного смысла жизни: человек дотеле человек, пока он трудится, пока он создает то, что должно пережить его физическое существование и служить людям после его физического ухода из жизни. Таким образом, разрушительной идеологии фашизма противопоставлена идеология созидания человеческого бытия.

Герой этих поэм — человек, живущий во имя победы справедливости, победы человечности, победы высоких нравственных начал, уходящих глубоко в историческое прошлое человечества и — особенно — России.

Дилогия Е. Исаева, объединенная общим заглавием «Жизнь прожить...», — пример художественной цельности. Многообразны художественные средства, которыми располагает поэт, но они, можно сказать, железной рукой подчинены единому замыслу.

Поэтическая идея, являющаяся душой дилогии Е. Исаева, как бы рассредоточена по всей художественной ткани, содержится в каждой клеточке ее.

Внимательное знакомство с дилогией обнаруживает своего рода творческую закономерность. Вначале действует как бы центробежная сила: одна за другой накапливаются черты становления главного героя и в одной, и в другой поэме; затем, преломляясь через главный, фокусирующий образ-метафору (кремель-слеза в «Дали памяти», стрельбище в

«Домой» — это только начало биографии. Далее идет путь «из дому» — в большую жизнь. А на этом пути — осмысление и прошлого, и настоящего Родины. Все последующее за двумя главами — «Дашь простор!», «Про тягловую реку», «Кремень-слеза», «Три гака» и вплоть до последней из них «А я всю жизнь из дому» — это духовное созревание героя, пришедшее вслед за его физическим возмужанием. Его личная судьба все более сливается с судьбой народа. Не случайно в конце поэмы мы читаем: «Какое там «домой», когда война...» Путь «домой» как бы лежит только через путь «из дому».

При всей простоте и естественности живого разговорного языка, все время набирающего эмоциональную высоту и переходящего уже в песенность за счет многочисленных повторов, Е. Исаев тяготеет все же к образам крупным, объемным, обобщающим.

Приведу несколько примеров: «Не жаль кось, росы не жаль, конечно, да только вот цветов немного жаль». «Ты страдал, выстрадываясь в парня, на том, на переломном рубеже...» «Пришла пора: кормилица, опора, земля твоя наляжет на тебя: А ну-ка, мол, охотчий, поворочай и поддержи, как я тебя держу...»

Что объединяет все эти строки, взятые только из первых глав «Дали памяти»? Удаля, размашистость, хватка. За ними встает характер — крепкий, упорный. За ними волны и волны мощной народной образности — до захвата, до задыхания — от народной поэзии и до Есенина.

Эта многоцветная, праздничная, идущая от земли, от жизни образность как бы оттеняется, я бы сказал, и поэтически обогащается драматизмом и даже в известной мере трагедийностью таких глав, как «Кремень-слеза» или «Три гака». Как бы настоянные на русской сказке, главы эти передают боль, и пот, и кровь изведанной вековой гнет народной жизни. Но, пройдя через все эти испытания, выковался тот сильный, стойкий, непокоримый характер, который привел народ, Россию к великим историческим свершениям.

И каким же контрастом этой праздничной и этой драматической, но светлой и сильной в своей основе образности предстает угрюмая и унылая поступь марширующих погубителей жизни в «Суде памяти»! Герман Хорст говорит о старом стрельбище, как о великом чуде: «— Я то открыл, что никогда не открывали люди, там, знаешь, — кладбище свинца. А он не разлагается. Там — пули моего отца, его отца и праотца. Мои! И сверстников моих. Ты понимаешь, Лотта! Представь себе, представь на миг: идет, идет пехота. За взводом — взвод. За взводом — взвод. Идет. За ротой — рота. Из года в год. Из года в год... Ты представляешь, Лотта? Полки, дивизии идут с винтовками и ранцами туда, на стрельбище, и бьют с отмеренной дистанции...» Читаешь — и вспоминаешь 7-ю симфонию Шостаковича. Та же самая жестокая, неотступная, неумолимая поступь, направленная против жизни, против человека.

Стиль «Суда памяти» внешне сух и сдержан. Никаких проклятий, никаких яростных обличений. Жестокость, ставшая обыденностью. Человек, превращенный в автомат. Господство серого цвета над многоцветием мира. Но в этой внешней сухости и сдержанности — глубокий внутренний драматизм, глубочайшая боль. И грозное предостережение.

В своей дилогии Егор Исаев как бы пытается объять глобальные проблемы времени. А если говорить точнее, одну проблему: проблему войны и мира. На средостении прошлого и будущего встают поэмы «Суд памяти» и «Даль памяти». Оттого они так обжигающе современны.

Григорий ЛЕВИН